

По вашей просьбе

Имя народной артистки СССР, лауреата Государственных премий Нонны Викторовны Мордюковой хорошо известно по многим фильмам — «Молодая гвардия», «Простая история», «Русское поле», «Отчий дом», «Чужая родня». Недавно Нонна Викторовна закончила автобиографическую повесть «Вот так мы и живем». Сегодня мы публикуем отрывок из нее. Полностью она будет напечатана в будущем году в одном из номеров журнала «Октябрь».

ДОЛГИЕ годы витают легенды о моей маме — и в тех местах, где она работала, и у тех, с кем дружила, и среди нас, родственников... А раз так, многие говорят мне: «Пиши, пиши о матери!»

Вытаскиваю о ней все, что помню я, братья, сестры. И оказывается, что мама — это не тот человек, который, если б не преждевременная смерть в 50 лет, могла бы стать крупным деятелем, заметным начальствующим лицом. Нет. Мама — это классический образ человека из числа тех людей, которым нечего было терять, кроме своих цепей.

Девочкой она работала у пана на плантации. Вечерами пела в церкви на клиросе — обладала необычайной музыкальностью. Родители работали по найму. Детей было четырнадцать. Станица Старошербиновская — пристанище. Хата — под камышовой крышей.

Революция была по душе их семье и подобным им. Мама кинулась в комсомол, не раздумывая. Есть книга «Комсомолы Кубани», где упоминается двумя строчками и она.

Она была с теми, кто до самозабвения верил всему, что пишется о новой жизни, всему, что рассказывается. Они жили и работали только так, как велели люди из Москвы, Краснодар. Никакого аврала, никаких героических поступков. Они в революции не участвовали, а с радостью приняли ее. В революции участвовали два мамины старших брата, за что шомполами во время недолгого хозяйничанья белых был до смерти забит их отец.

Маме повезло в том, что она, будучи так далеко от Москвы, душой и сердцем почувствовала правоту Ленина. Все, что шло от Ленина, было ново и не ново для нее, ей казалось, что ей приходило в голову то же самое, о чем писал Ленин. Я застала тех фанатиков ленинских идей. Помню их суть: они никогда не знали дороги для каких-нибудь движений, поощрений. Мама все время то что-то писала, то наклеивала объявления на доску у правления, то, постукивая палочкой по каменке, раздавала беленькие листки. А то соберет кучку людей и ка-ак запоют они возле колодца, а потом с хохотом расходятся. А на зорьке — серпы в руки, «комыки» на брови. А вечером — собрание коротенькое, с шутками, скорее не собрание, а свидание проработавших от зари до зари, чтобы расслабиться, посмеяться, заодно и наряд на завтра получить. Потончутся, потончутся и — по домам.

Приехала как-то из Москвы комсомолка по имени Нонна. Мама и нюхала ее, и за талию все время держала в обхват, и так ей нравился московский говор, а главное то, что Нонна (надо же!) видела Ленина. И не один раз. А приехала по делам комсомола.

— Как замуж выйду, рожу дочку Нонну.

Мама рассказывала, что не записывали в правлении за неимением такого имени. Мама — в слезы. Тогда в правлении ведущая дела свадб и регистрации детей посоветовала: «Не плачь... Родилась в ноябре — Ноябрьна. Возьми первый и последний слог — и получится Нона». Мама просияла и добавила вторую букву «н», чтоб как у той Нонны было, у московской. Так, когда я родилась, на Кубани появилось московское имя.

— А сына Лениным назовешь? — добродушно спрашивала подружки.

— Вождями нельзя называть. Они вожди... Ленин это же не Ленин, а Ульянов, а зовут Владимиром. Владимир — пруд пруди, называй себе.

О чем только не заводит разговор человек на собраниях, на отдыхе, на работе! Мама ничем не отличалась

от других. Простенькая была, небольшого роста, и работала, не выбиваясь от других, потому что то были времена всеобщего дружного действия. Муха пролетит — слышно, когда даются задания на завтра.

Но вот как-то повелась да повелась о Ирине Петровне молва — о ее голосе певческом. Все чаще стали приходить — спой да спой. Мама пела не из хвальбы, а чтоб поделиться хорошим. «Пение — это же добро», — сказала ей старуха. Так мама стала запевалой, и, как нарочно, муж попался никак

Нонна МОРДЮКОВА:

«Расскажу о маме...»

не любящий пение, наоборот, стыдившийся видеть маму, когда она, приподняв к небу голову, запевала. Он с облегчением выпускал воздух из груди, когда подхватывали песню остальные, тогда мама была в общей массе.

— Не пой, Ира, — молил ее отец, когда они шли в гости.

— Погляжу, — топнув ножкой, отвечала мама, — я бригадир бригады номер шесть, — смеялась она.

— Христом богом прошу — помолчи.

И вдруг у этой бригадирки — на тебе: ка-ак выстрелит ораторский дар, да когда, да где!.. Начальство приехало поздравить с началом посевной.

— Говорили коряво — прямо надо сказать, — рассказывала потом тетя Таня Бондарь, вечная подруга мамы, — одно и то же по сто раз, то одно слово берет, то другой, а никак не доведут до сути дела. А Петровна как прыгнет с заборчика и — к столу, покрытому красной скатертью. Тишина. Все ошалеет. Но чем больше распалялась мама, тем складнее у нее получалось (она как-то хмуро, на низах: «Ну неужели не ясно, как надо?»). И так складно, и так здорово у нее получалось, что хлопали ей долго и от души.

И потом маму от имени колхоза на солидных собраниях просили сказать беспрограммно, а так. Мама шла к трибуне с видом: «Правильно, меня надо звать, я правильной всех доложу».

И не было случая, чтоб она не нашла, что сказать и лихо закончить речь. Будто пошутила, а разберешься — дело сказала, да еще какое! — Вот так! — восклицала она и гордо уходила в толпу.

Позднее, я уже помню, как шуточки кончились, мама иногда день и ночь листала какие-то книги, что-то записывала, брови были серьезно сдвинуты... Но это были лишь раздражители ее предстоящей речи. Она ни разу в жизни не вышла на трибуну с бумагой. Уж что-то, а ораторские способности были даны маме от природы. Если был какой-нибудь слет или пленум без маминого выступления, то мероприятие будто не имело под собой опоры, завершения. Оглядываясь все, ищут ее в рядах: «Да неужто, Петровна, не скажешь ничего?»

Не стала мама ходить на собрания, когда живот подрос.

— А где ваш Плевако? — прощаясь как-то с председателем райсовета, спросил какой-то начальник.

— Прибавления ждет...

Да, это прибавление дало мне жизни. Все дети то на речку, то по ягодам, а я с ним на руках, с братиком...

И только один ребенок побежал ножками, а у нее под «ложечкой» опять «камушек».

Я изучила эти появления безошибочно. Перед рождением первого брата, когда я еще была одна, мама ездила в Москву на учебу в Высшую колхозную сельскохозяйственную школу. И вот приезжает мама, мамочка моя. (И по сей день братья и сестры называют ее «наша мама» и только я называю «моя»: была же она когда-то только моей! Так и призывали все). Так вот, приехала мама из Москвы, на столе — коробка конфет, лента, папе — рубашка, маме — туфли и мне — пальто красное с беленьким пушистым мехом.

Нюхать — это у меня всегда главное сближение с интересующим меня предметом. Какие запахи! Небывавшие доселе. Флакончик духов

остановил меня, и я вспомнила: так пахла тетя Нонна. Это были духи «Кармен», навсегда мамини любимые.

Вскоре после этих событий пошел впечатления от первого посещения школы. Я для мамы была тем прекрасным подмастерьем, который без слов все понимал и прилежно выполнял. В армии бываю такие вечные ефрейторы. Так и мама, ей и в голову не приходило быть старше и значительнее, чем она есть. Типичный винтик, о которых в свое время было модно говорить. Да и чем они таким орудовали? Чаще всего говорилось о навозе, прополке, косе, серпа, о лобогрейках, о бочках с водой для скота, о доярках (десять-одиннадцать коров на каждую — доили вручную). Помню, 12 центнеров зерна с гектара — это великое достижение. Масштабы были небольшие, не был еще взят разгон: не с чего было брать. Делали все, что можно, но жили бедно. Не так-то все сразу. Энтузиазма было много, а разрухи еще больше.

И вот тогда-то и состоялось мамино председательство, подержанное крайкомом. Предстояло сложить хоть вчерне жизнь одного или другого распадающегося от неумелого руководства колхоза. Маму выбрали первым раз в Щербиновке, на родине. Ее пение, шутки, рассказы перемешались с работой. А когда мама вела собрание, то это было ее личное «кадажи». Как она умела говорить! Полюбили ее и пошли за нею. А при таком исходе дела можно сделать много. Конечно, было негуманно со стороны крайкома — так эксплуатировать талантливого человека. Тут дети прибавляются, а тут колхозы меняются. Так, кроме телеги, подушек и переездов, ничего мы и не имели. Но мама к этому времени уже была членом партии, и разве ж могло что-нибудь отнять у нее ее работу? Помню, когда я уже все понимала стала по-взрослому, она мне однажды призналась:

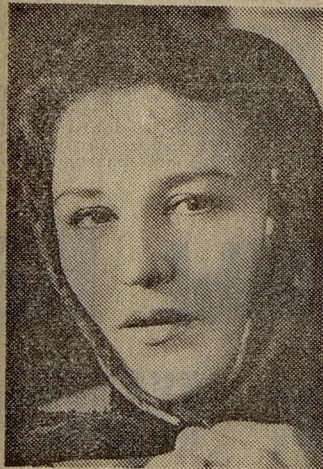
— Знаешь, дочка, нелегко бывало... Стану посреди села ночью, смотрю и думаю — с чего начинать?

И не было за все время такого, чтобы у мамы не задалось в конце концов. Случалось, и коровами пахла поначалу. Так что никаким таким председателем с усадьбой и с соленьями в кадучке маме не довелось быть. Не те были времена. Не успели.

Напрянула война. Опять разорение. И опять она — председатель. То «Мировой Октябрь», то «17-й Партсъезд». А что это были за колхозы после оккупации? Вспомнить тяжело. Но все

равно мама работала, пренебрегая всеми трудностями. Я как подумаю о ней, так сразу к выводу прихожу, что, хоть и невелика персона наша мамочка, а если б все так работали, как она, давно бы мы уже в коммунизме были. Увижу иногда в бумагах единственную ее награду — медаль материнства — сожмется сердце. Мечтала она о валенках с галошами да на курорт съездить. Ни то, ни другое не сбылось, уж слишком тяжелые времена выпали на ее поколение, да и на наше тоже, а значит, продолжались беды и неурядицы...

Вот такая была моя мама. Она недоумевала, когда хвалили меня в газете за какую-

нибудь роль, тут же кланялись и ей, матери. Мама, правда, полностью соглашалась с массой людей и с прессой, где хвалили меня. Помню, в Доме кино была премьера фильма «Чужая родня». Мама была в это время в Москве, и ее восторгу не было конца.

— Смотри, доченька, сколько народу пришло на твой труд посмотреть!..

Вот уже ни одного свободного места. Она раза два «помогла» рассестись на пустые места. Но ее удивило, что на второй сеанс идут столько же, она встала недалеко у входа и без надобности подшепывала:

— Вот там раздвесьтесь идите, а вот там и зал...

После этого просмотра она окрепла духом. Посчитала, что не даром я прошла такой путь мытарств в послевоенные годы. Спустила какое-то время опять приехала мама, убитая чем-то. В чем дело?

— Я, дочка, теперь на председателе... не выткну, бригадиром работаю.

— А что такое? Да и черт с ним, с председательством! — Это наша семейная черта: немедленно открещиваться от неудач.

— Да черт-то с ним, доченька, только вот забурт в больницу, и больше не вернусь. Вот чего опасуюсь.

Оказывается, опухоль в области печени не болела, но «плавала» и росла. И мама долго думы думала одна, потом решила мне признаться. С отцом они сразу же после войны развелись. Это назревало долгие годы, потом случай помог. Я немедленно забрала маму и остальных детей в Москву. Мама стала работать на люберецких полях орошения. Барак. Четверо детей, а я живу в проходной, в Москве. Одинадцать лет через нашу комнату ходили чужие люди...

Мама приезжала каждую субботу за десятичкой. А у меня тоже недостаток, но маме надо помочь. Сестры немедленно бросили институты и пошли работать на заводы. Стали вместе карабкаться.

Мужу было неприятно и то, что я люблю петь, и что забочусь о братьях и сестрах.

Когда мама слегла окончательно, она мечтала, что я куплю себе новый гардероб, а им отдам старый. Эти четверо стали жить хорошо. Брат, который хотел ловить шпионов, уже давным-давно закончил Алма-Атинское пограничное училище и стал начальником пограничной заставы на Памире. Да, за была сказать: когда мама еще не слегла, а ходила потихонечку, работала, приехал неженатый брат с дальней границы и привез кучу денег. Мы с мамой бродили по ЦУМу, а у нее в рукаве телогрейки была 1000 рублей. Во что дожили: «Покупай, что хочешь!»

Потом она сама там же, в совхозе, на грядочке где-то, нашла девушку по своему вкусу и познакомилась с братом. Влюбилась они друг в друга. До чего же мама знала брата! Поженились и уехали после отпуска на заставу с женой. Ведь и об этом мама подумала, что на заставе нелегко одному. Они и до сих пор живут, уже трое внуков. Вот такая наша мама!

Однажды мама в субботний вечер пошла к соседям телевизор смотреть, и вдруг ее повело к телеграфному столбу. Обняла его, но ноги отказали, скользнула вниз, села на землю и с испугом: «Что это со мной?» — попросила хозяина телевизора помочь ей. Тот отвел ее. Мы плакали очень горько, но чтобы мама не видела. Потом — больница. Помню, мама мыла руки в туалете и, оживленная, сказала:

— Доченька! Тут такие условия, такое обхождение! Да разве тут дадут умереть?

— Да, мамочка, да. Что тебе принести в следующий раз?

...Операция. Желтая мама. Старенькая, хоть всего 50. Разговор с главврачом. Привезли опять в барак. По возможности сажали ее на солнышко. Вокруг лес. Она, бывало, начнет рассказывать о явлениях природы: когда зорька занимается и какого цвета, и в какое время какие птицы голос подают...

— А ты знаешь, дочка, я вот сельский человек, а села не знаю. Нечего изучать было. Я бы и на Кубани сейчас заново знакомиться с природой стала. А то все, бывало, работа... Ну ничего, вот выздоровлю... Ничего мне не надо, только на вас бы глядеть, это великое счастье — на своих детей смотреть. Будете мне рассказывать и про работу, и про семью... Это же счастье вас слушать.

— Да, мамочка. Счастье в том, что нас много.

— Барак снесут, будет поселочек среди леса. Нам, как многодетным, дадут квартирку...

Мама закрыла глаза, потом, будто что-то вспомнив, быстро открыла, нашла мои зрачки, пыталась что-то сказать, в горле у нее захрипело, по щеке покатилась слеза. Все...

Мы сидели возле нее все. В эту же самую секунду я почувствовала себя теткой. Я — ничья. Не дочка, а женщина. Вот это помню отчетливо. А еще недавно, до болезни, приходила она и увидит, бывало, ссадину незначительную возле локтя.

— Ой, доченька, что это у тебя, батюшки?

— Да это, мама, я душ принимала и краником...

— Поаккуратней. — И погладит своей бархатной материнской рукой, а то и чмокнет болячку...

Тяжело, очень тяжело терять маму. Да такую! Самую лучшую!

Мамочка! Дорогая, мне и сейчас тебя одной не хватает, хотя я уже старше тебя...

ОТ РЕДАКЦИИ: Дорогие друзья! Сегодняшняя публикация — один из наших ответов на ваши многочисленные просьбы — чаще рассказывать об интересных людях, знакомить с известными мастерами культуры, деятелями науки, печатать рассказы, юморески, отрывки из новых произведений советских и зарубежных писателей... В «портфеле» редакции уже припасены такие материалы. И все-таки нам бы хотелось знать не вообще, а с кем конкретно вам хотелось бы встретиться, кому задать сокровенные вопросы.

На конфертах не забудьте, пожалуйста, сделать пометку: «СЖ»-88, «По вашей просьбе».